

Функциональный синтаксис и понятие синтаксической функции: подходы испанских лингвистических школ

М. Д. Zubov¹, А. А. Альварес Солер²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹zuboffmaksim@yandex.ru,

²anna.alvaressoler@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть понятия функции в контексте взглядов основателей трех крупнейших школ функционального синтаксиса в Испании: университетов Овьедо, Леона и Сантьяго-де-Компостелы. Анализ теоретических трудов представителей вышеупомянутых научных объединений позволил выявить значительную гомогенность в области базовой дефиниции синтаксической функции среди испанских лингвистических объединений. Вместе с тем были обнаружены и весомые различия, относящиеся к последующему теоретическому развитию исходного определения и его синтезу с иными функционально-синтаксическими подходами, что позволило в заданном контексте наметить общую тенденцию, заключающуюся в переходе от формально-структуралистских концепций к функционально-семантическим и функционально-прагматическим.

Ключевые слова: функция, функциональный синтаксис, функциональная лингвистика, функционально-семантический синтаксис, структурная лингвистика

Для цитирования: Zubov M. D., Alvares Soler A. A. Функциональный синтаксис и понятие синтаксической функции: подходы испанских лингвистических школ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 51–59.

Original article

Functional Syntax and the Concept of Syntactic Function: Approaches of Spanish Linguistic Schools

Maksim D. Zubov¹, Anna A. Alvares Soler²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹zuboffmaksim@yandex.ru

²anna.alvaressoler@gmail.com

Abstract. This study aims at examining the notion of function in the context of the views of the founders of the three largest functional syntax schools in Spain: the University of Oviedo, the University of Leon and the University of Santiago de Compostela. The analysis of the above-mentioned scholars' theoretical papers made it possible to identify a significant homogeneity in the basic definition of syntactic function among Spanish linguistic associations. At the same time, significant differences were also found in the subsequent theoretical development of the initial definition and its synthesis with other functional-syntactic approaches, which allowed us to identify, in a given context, a general tendency to move from formal-structuralist concepts to functional-semantic and functional-pragmatic ones.

Keywords: function, functional syntax, functional linguistics, functional semantic syntax, structural linguistics

For citation: Zubov, M. D., Alvares Soler, A. A. (2025). Functional syntax and the concept of syntactic function: Approaches of Spanish linguistic schools. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 51–59. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие функции в языкознании является одним из самых многозначных и противоречивых, но в то же время играет важнейшую роль, поскольку от конкретного определения понятия «функция» зависит не только сопровождающая его терминосистема, методы и предмет исследования, но и само понимание направления или же отрасли лингвистики, в рамках которой проводится исследование. Когда в ходе лингвистической дискуссии или исследования речь заходит о «функциональном», будь это синтаксис, семантика или прагматика, первичным и самым значимым становится вопрос о том, что понимается под функцией.

Очевидно, что при употреблении таких терминов, как «функции естественного языка», «функции глагола» или же, например, «функции публицистического стиля», мы понимаем, что несмотря на единство употребляемого слова, речь идет о совершенно разных понятиях, ведь все вышеизложенные термины относятся к различным отраслям лингвистики. Однако часто понимание функции значительно отличается в рамках, казалось бы, одного лингвистического направления, в данном случае – функционального синтаксиса, что иногда не просто порождает противоречия при постановке таких основополагающих вопросов, как предмет исследования, но и в отдельных случаях служит объектом дискуссии и споров, а также позволяет проследить эволюцию данного понятия в ходе развития конкретной отрасли лингвистики в рамках одной научной школы, группы ученых, а в некоторых случаях даже одного исследователя.

Если обратиться, например, к обобщенному определению, данному О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов»¹, то в нем у лингвистического понятия «функция» выделяются несколько значений: 1) назначение, роль, выполняемая единицей (элементом) языка при его воспроизведении в речи (например, функция ассоциативная или дифференциальная); 2) цель и характер воспроизведения в речи данной языковой единицы; ее актуализация или транспозиция в контекст конкретного речевого акта (например, функция предикативная, дейктическая или кульминативная); 3) обобщенное обозначение разных сторон (аспектов) языка и его элементов с точки зрения их назначения, применения, использования (например, функция коммуникативная или репрезентативная). Вышеизложенное определение подтверждает наш тезис о том, что понятие «функция» в лингвистике носит многогранный и неоднозначный характер, а его

противоречивость может быть обусловлена разной интерпретацией и применением дефиниций даже в рамках одной лингвистической отрасли, например синтаксисе.

Если же поднимать вопрос о более частных интерпретациях понятия «функция», например, в рамках интересующего нас синтаксиса, то Арто Мустайоки, рассуждая о различных интерпретациях функции и функционального, заключает, что прилагательное *функциональный* в лингвистическом контексте отражает многие подходов к исследованию языка, отмечая при этом, что «в широком смысле этот подход охватывает всякое исследование, в котором язык рассматривается с точки зрения его функций», а определяя саму функцию, поясняет, что «изучение функций языка – это исследование языка с учетом того, в каких целях он используется» [Мустайоки, 2010, с. 108]. Говоря об упомянутых целях, которые А. Мустайоки отождествляет с предметом исследования в рамках функциональных направлений лингвистики, ученый предлагает задавать к ним вопросы, определяющие понимание предмета исследования, а следовательно, и функции. Так, например, в вопросе: «Как в данном предложении выражается рема?» – речь, очевидно, идет о концепции актуального членения предложения, разработанной в рамках Пражского лингвистического кружка, а вопрос: «Для чего в таком-то языке используется пассив?» – указывает на функционально-семантический подход, при котором исходным пунктом служат формальные категории, но изучаются они исследователем с точки зрения их функций. Также А. Мустайоки ставит вопрос: «Как в таком-то языке выражается просьба, физиологическое состояние или отрицание?» – выделяя подход «от значения к форме» или ономазиологический подход, следуя которому он и сформулировал свою теорию функционального синтаксиса, легшую в основу его работы о функциональном синтаксисе русского языка [Мустайоки, 2010].

Как можно заметить, в рамках одного из важнейших лингвистических направлений исследований языка – функционального синтаксиса – существуют различные, кардинально отличающиеся друг от друга подходы к интерпретации функционального и функции. Более того, даже в рамках единого образного понимания функции и функционального исследователи в своих трудах применяют разные модели и теоретические аппараты, которые, с их точки зрения, наибольшим образом подходят для целей работ. Исходя из этого, представляется критически важным изучить понимание функции в рамках трудов представителей различных испанских школ функционального синтаксиса.

¹Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, что в рамках испанского функционального синтаксиса понимается под функцией, мы проанализировали труды наиболее видных представителей испанских школ функционального синтаксиса. В статье «Teoría gramatical», написанной в рамках монографии «Introducción a la lingüística española», Анхель Лопес Гарсия выделяет три основные испанские школы функционального синтаксиса: школа университета Овьедо (Эмилио Аларкос Льорак, Хосе Антонио Мартинес и др.), школа университета Леона (Сальвадор Гутьеррес Ордоньес, Бонифасио Родригес Диас и др.) и школа университета Сантьяго-де-Компостелы (Гильермо Рохо, Хесус Пена и др.). Кроме того, Лопес Гарсия упоминает и иные, миноритарные, испанские функционалистские школы, как, например, школу университетов Кадиса и Вальядолида и ее представителей – Сесара Эрнандеса Алонсо и Валерио Баэса [Alvar et al., 2000]. Такого же мнения придерживается и Эдита Гутьеррес Родригес: она особо выделяет школы университетов Овьедо, Леона и Сантьяго-де-Компостелы как объединения, заложившие и развившие теоретико-категориальные основы функционального синтаксиса в Испании. Причем стоит отметить, что каждая из них в той или иной степени сохраняет традицию, начатую Э. Аларкосом Льораком, однако со своими характерными чертами, интерпретациями и новшествами. Гутьеррес Гарсия также отмечает значимый вклад Антонио Нарбона Хименеса (университет Севильи), Хосе Марии Гарсии Мигеля (университет Виго), а также Эмилио Редрехо и Сесара Эрнандеса (университет Вальядолида) [Enciclopedia de lingüística hispánica, 2016].

В рамках настоящей статьи нами было принято решение рассмотреть понимание функции трех, как было указано ранее, основных школ функционального синтаксиса в Испании. Материалом для статьи послужили труды вышеупомянутых представителей данных школ, а также обзорно-теоретические материалы.

Актуальность исследования объясняется тем, что понимание особенностей семантико-функционального подхода к описанию синтаксиса, разработанного именно испанскими лингвистическими школами, будет способствовать грамотной интерпретации проблем устройства и функционирования предложений в испанском языке, что, в свою очередь, способно задать верную стратегию при обучении переводу в языковой связке русский – испанский.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые проводятся подробный анализ и систематизация сложившихся концепций испанских лингвистических школ в рамках функционального синтаксиса.

Перспективы настоящего исследования заключаются в том, что его результаты могут найти практическое применение при анализе испаноязычного языкового материала, что определяет его практическую значимость.

ШКОЛА УНИВЕРСИТЕТА ОВЬЕДО

Наиболее известным представителем школы университета Овьедо и самым влиятельным лингвистом в рамках испанского функционального синтаксиса является Эмилио Аларкос Льорак. Его также можно назвать основоположником данного направления в Испании, поскольку он стал первым испанским лингвистом XX века, который начал теоретические изыскания в рамках функционального синтаксиса, в то время как в стране преобладающими направлениями всё еще оставалась дескриптивная лингвистика и традиционная грамматика [Enciclopedia de lingüística hispánica, 2016].

Фундаментальными трудами Аларкоса Льорака, в рамках которых он заложил основы испанского функционального синтаксиса и установил терминологию, можно назвать «Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española» (1951), «Gramática de la lengua española» (1994), а также статьи «Lingüística estructural y funcional» (1977) и «Metodología estructural y funcional en Lingüística» (1977).

В своей первой работе, посвященной функциональному синтаксису, «Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española» [Alarcos, 1990], Аларкос Льорак полностью заимствует не только понимание «функции», но и весь теоретический аппарат у датского лингвиста Луи Ельмслева, представителя Копенгагенского лингвистического кружка, и его теории глоссематики, что весьма логично вытекает из названия работы испанского ученого. Однако Аларкос не просто переводит умозаключения датского лингвиста, но и прилагает свои размышления к основополагающим тезисам теории Л. Ельмслева, а также дополняет их обобщениями, оперируя понятными для испаноязычного читателя категориями и примерами из испанского языка.

Сама же теория глоссематики, разработанная в 30–50-х годах XX века Л. Ельмсловом и Х. Й. Ульдаллем и другими членами Копенгагенского лингвистического кружка, является одной из самых последовательных концепций в рамках западноевропейского лингвистического структурализма. Руководствуясь методологией неопозитивизма, теоретики стремились создать концепцию, базирующуюся на формально-логических и математических категориях, пытаясь таким образом

придать ей абсолютно универсальный характер, позволяющий, по их мнению, опираясь на дедуктивный метод, рассматривать систему функционирования любого существующего или даже возможного языка. Соответственно, глоссематика отличается крайне формальным и абстрактным характером категориального аппарата. Кроме того, представляется необходимым отметить, что важнейшей методологическим источником глоссематики в области понимания природы языка стали многие реинтерпретированные идеи и положения лингвистического учения Ф. де Соссюра: например, идея о том, что язык представляет собой систему знаков, а знак воплощает собой единство означающего и означаемого, а также положение о том, язык есть форма, а не субстанция, и в нем нет ничего, кроме различий. Ввиду понимания формы как основной сущности языка, полностью независимой от субстанции, в центре глоссематической теории находится система чистых отношений между элементами языка. Данные отношения называются Л. Ельмслевом «функциями», а сами элементы – «функтивами», которые в рамках данной концепции лишены самостоятельного существования и являются лишь результатами пересечения пучков отношений¹. Таким образом, глоссематика выступает крайне абстрактной теорией, в основании которой лежат положения о зависимости между элементами языка и характере их отношений. В рамках данной концепции вся материальная часть языка, а также специфика каждого отдельного языка полностью исключаются ввиду их, по мнению теоретиков, ненадобности, а единственное, что остается, – это предельно формализованная система отношений между элементами, универсальная для всех языков.

Таким образом, в своем первом теоретическом труде, посвященном функциональному синтаксису, Э. Аларкос Льорак полностью перенимает у Ельмслева определение функции как отношения зависимости между классом и его элементами (парадигмой и ее членами, цепью и ее частями) или же между самими элементами (частями и членами) [Alarcos, 1990]. Данный подход полностью соответствует дефиниции, данной датским ученым в «Пролегоменах к теории языка»: «Зависимость, отвечающую условиям анализа, мы назовем функцией. Так, мы скажем, что существует функция между классом и его сегментами (цепью и ее частями, или парадигмой и ее членами) и между сегментами (частями или членами)» [Ельмслев, 2006, с. 57]. Элементы языка, вступающие в такие отношения зависимости, как пишет испанский лингвист, называются функтивами [Alarcos, 1990].

¹Лингвистический энциклопедический словарь / Ярцева В. Н. и др. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 107–108.

Крайне важно оговориться, что функция и функтив, как подмечает Л. Ельмслев, являются сугубо техническими терминами, задающими категориальный аппарат в рамках системы, которую авторы глоссематики выстраивают в качестве альтернативы существующим на тот момент концепциям. Л. Ельмслев заверяет, что термин «функция», введенный им в глоссематику, находится между его формально-логическим и этимологическим пониманием, подчеркивая, что именно такая комбинированная интерпретация понятия функции и нужна лингвистике. Он обосновывает это тем, что именно такое понимание функции, а также введение термина «функтив» поможет избежать двусмысленности, существующей в его традиционном научном употреблении, в рамках которого функция понимается и как зависимость между двумя частями, и как сама одна или обе этих части, таким образом, появляется выражение «одна часть является функцией другой». Термин «функтив», дополнительно вводимый Л. Ельмслевом, позволяет отделить отношения зависимости от самих частей, которые он и называет функтивами. Также Л. Ельмслев добавляет, что двусмысленность в отношении термина «функция» часто наблюдается при употреблении специальных видов функций, как, например, предопределение (*presupposition*), которая означает и постулат, и постулируемое, иными словами, функцию и функтив [Ельмслев, 2006].

Аларкос Льорак тоже упоминает данную дифференциацию, но не дает объемных теоретических размышлений на этот счет, как это делает Л. Ельмслев, а просто поясняет разницу и в то же время взаимосвязь терминов «функция» и «функтив» [Alarcos, 1990]. Стоит отметить, что Э. Аларкос Льорак использует в своей работе более практико-ориентированный подход в области описания теории и в большей степени, нежели Л. Ельмслев, и пытается донести основные положения глоссематики именно на примере категорий или явлений естественных языков, не прибегая к излишнему формализму и не отрывая теорию от собственно языка.

В дальнейшем Э. Аларкос Льорак, вслед за Л. Ельмслевом, выстраивает систему отношений и их функционирования в рамках описываемой концепции глоссематики. Э. Аларкос Льорак пишет, что если в рамках определенной функции наличие одного функтива предполагает наличие второго, то такой функтив называется постоянной, а если же наличие одного функтива не определяет существование другого, то он – переменная. Данное деление функтивов на постоянную и переменную ведет к обозначению трех функций отношений зависимости: взаимозависимость (функция между двумя постоянными), детерминация (функция между постоянной

и переменной) и констелляция (функция между двумя переменными) [Alarcos, 1990], что тоже соответствует теории Ельмслева [Ельмслев, 2006]. Кроме того, как и у Ельмслева, в первой работе Аларкоса каждая из функций подразделяется на два варианта в зависимости от того, относится ли она к тексту (синтагматике) или же к системе (парадигматике) [Alarcos, 1990]. Соответственно, взаимозависимость делится на солидарность и комплементарность, детерминация – на селекцию и спецификацию, а констелляция – на комбинацию и автономию, за ними проводится и дихотомия функтивов (постоянного и переменного) в рамках вышеуказанных функций [Alarcos, 1990; Ельмслев, 2006].

Важно отметить, что в своей первой работе Э. Аларкос Льорак рассматривает функцию только в ее глоссематическом, иначе говоря, в самом формальном значении, которое приводилось нами выше. Хотя ученый и приводит различные примеры из испанского и латинского языков, однако практически все они фонемного и морфемного уровней, но пока не синтаксического.

В последующих двух теоретических работах Э. Аларкос Льорак продолжает придерживаться определения функции как отношения зависимости, однако теперь испанский лингвист полностью переносит термин «функция» в синтаксический контекст. В статьях «Lingüística estructural y funcional» и «Metodología estructural y funcional en Lingüística» Аларкос Льорак, обобщая теоретические изыскания Соссюра и Ельмслева, рассуждает о структурных и функциональных методах исследования языка, о возможности их комбинирования и синтеза [Alarcos, 1977a; Alarcos, 1977b].

Не отказываясь от ранее описанного глоссематического подхода, в основании которого лежат адаптированные идеи Ф. де Соссюра, Э. Аларкос Льорак видит его продолжение в концепции двойного членения А. Мартине, аргументированно демонстрируя в своей работе ее достоинства в области исследования языка на фонемном и морфемном уровнях. Однако затем Э. Аларкос Льорак задается вопросом о том, как в рамках данной концепции подняться на уровень выше, и говорит о необходимости дальнейшего применения подхода А. Мартине, но уже в качестве значимой единицы языка он выделяет высказывание (*oración*), определяя его как последовательность знаков, объединенных одним интонационным рисунком и способных изолированно выступать в качестве конкретного языкового проявления. На уровне высказывания Э. Аларкос Льорак делит данные знаки на так называемые автономные, которые могут изолированно выступать в качестве высказывания и быть минимальной смысловой единицей, и

зависимые, которые, соответственно, не обладают способностью служить полноценным высказыванием, но могут его образовывать при присоединении одного или нескольких зависимых знаков, становясь тем самым знаком автономным. Данные автономные знаки Э. Аларкос Льорак и называет синтагмой, которая, по его мнению, является базовой единицей при членении высказывания. Именно синтагмы, с точки зрения испанского лингвиста, и образуют парадигму, в которой они, взаимодействуя друг с другом в рамках различных отношений зависимости, выполняют определенные функции [Alarcos, 1977a].

Э. Аларкос Льорак отмечает, что в каждом высказывании должна быть синтагма, обладающая функцией ядра, иными словами, единица, несущая минимальное смысловое значение, а все остальные элементы данной парадигмы являются лишь ее приложениями. Испанский лингвист заключает, что функцию ядра высказывания всегда выполняет синтагма, представленная глаголом, являющаяся основой для предикативных отношений, которые выступают базовым условием существования высказывания [там же].

Все остальные вариации отношений зависимости между синтагмами в рамках высказывания, т. е. функции, Э. Аларкос Льорак называет спецификаторами (*especificaciones*) и определениями (*determinaciones*), которые привносят дополнительный контекст по отношению к ядру высказывания. Испанский ученый дает следующую классификацию функций: *sujeto léxico*, *implemento* (прямое дополнение), *suplemento* (предложное дополнение), *complemento* (непрямое, или косвенное, дополнение), *aditamento* (обстоятельственное дополнение) [там же].

Таким образом, в рамках рассматриваемого этапа теоретической эволюции Э. Аларкоса Льорака под функцией понимаются всё те же отношения зависимости, однако теперь они возникают не между классами и элементами в рамках формально-абстрактной глоссематической системы, а между синтагмами, которые становятся базовой единицей высказывания, другими словами, синтаксического уровня, к которому испанский ученый старается применить концепцию двойного членения А. Мартине.

Заключительная стадия теоретического развития в области функционального синтаксиса Э. Аларкоса Льорака ознаменовывается выходом монографии «Gramática de la lengua española» под эгидой Королевской академии испанского языка.

В данной работе, вероятно, ввиду ее не узконаправленного теоретического, а скорее общего описательного, характера Э. Аларкос Льорак вместо базовой единицы в качестве синтагмы теперь

вводит просто слово, при этом сохраняя нетронутым свое умозаключение о том, что в рамках любого высказывания слова (теперь не синтагмы) выполняют различные функции и согласно этим функциям группируются по классам, и тем более что становится очевидным из вышесказанного, не прибегает к изменению дефиниции синтаксической функции. По тому же принципу испанский лингвист делит слова на автономные и зависимые. Однако теперь автономные слова классифицируются следующим образом: существительное (*sujeto explícito* и *objeto directo* – подлежащее или прямое дополнение), прилагательное (*atributo* – предикатив или предикативное дополнение), наречие (обстоятельственное дополнение) и глагол (ядро предложения или предикат). Кроме того, на протяжении всей монографии при описании отдельных лингвистических тем можно также заметить упоминание различных уже упомянутых ранее синтаксических функций, а также некоторые новые, такие как *adyacente de sustantivo* (приложение к существительному), *adyacente de adverbio* (приложение к наречию) или, например, *modificador oracional* (модификатор предложения) [Alarcos, 1999].

Из вышесказанного следует, что последняя работа Э. Аларкоса Льорака, в которой затрагивается функциональный синтаксис, не представляет собой сугубо теоретический труд и не вносит новых переменных в уже существовавший на то время аппарат ученого за исключением добавления нескольких утилитарных функций и замены базовой единицы в виде синтагмы на слово, что, скорее всего, было сделано лишь в описательных целях. Однако стоит отметить высокую ценность данной работы, поскольку именно в ней Э. Аларкос Льорак демонстрирует практическую реализацию своих теоретических умозаключений в области функционального синтаксиса, где центральным и, как представляется возможным увидеть в «Gramática de la lengua española», продуктивным, в том числе с дидактической точки зрения, элементом является именно понятие синтаксической функции, что можно считать относительно целостным оформлением системы взглядов испанского ученого.

ШКОЛА УНИВЕРСИТЕТА ЛЕОНА

Одним из учеников Э. Аларкоса Льорака, который, в свою очередь, вместе с коллегами заложил основы еще одной школы функционального синтаксиса в Испании, стал Сальвадор Гутьеррес Ордоньес, представитель университета Леона.

В своих трудах С. Гутьеррес исходит из основных теоретических постулатов Э. Аларкоса Льорака. Однако, комбинируя их с другими элементами

актуальных в ту эпоху лингвистических течений, такими как тагмемика (К. Л. Пайк), падежная грамматика (Ч. Филлмор и др.), Пражский лингвистический кружок и функциональная грамматика С. Дика, он разрабатывает собственную, весьма уникальную, функциональную систему, состоящую из нескольких уровней [Gutiérrez, 1983; Espinosa, 1999].

В статье «La determinación inmanente de las funciones en sintaxis» (1983) Гутьеррес приводит определение функции Л. Ельмслева и Э. Аларкоса Льорака, согласно которому она понимается как отношения зависимости между элементами системы, называемыми функциями, однако сразу же отмечает, что в рамках традиционной лингвистики под определение синтаксической функции больше подходит именно то, что Л. Ельмслев и Э. Аларкос Льорак называют функциями [Gutiérrez, 1983].

Согласно С. Гутьерресу, синтаксические функции, таким образом, являются абстрактными элементами, которые находят материальную лингвистическую реализацию в виде конкретных синтагм. Важно отметить, что собственно синтаксические, или же, как представитель школы Леона назовет их позже, формальные, функции соответствуют тем, которые ранее определил Аларкос (*sujeto*, *implemento*, *suplemento* и др.) [Gutiérrez, 1983; Espinosa, 1999].

Однако затем, пытаясь интегрировать систему Э. Аларкоса в концептуальный аппарат традиционной лингвистики, в рамках которой проводится явное различие между абстрактной функцией и конкретным элементом, в котором она реализуется, С. Гутьеррес заключает, что одного наименования функции (например, *implemento* или *suplemento*) оказывается недостаточно, поскольку в данном случае получается, одно и то же наименование относится как к абстрактной функции, так и к конкретному элементу ее реализации. Решение этой дилеммы испанский лингвист находит в концепции тагмемики, в рамках которой абстрактная функция является прорезью (*slot*), а элемент ее конкретной реализации – наполнением (*filler*). Таким образом, С. Гутьеррес классифицирует функции на абстрактные и конкретные, где последние представляют собой некую конструкцию, в основании которой лежит функциональная прорезь (абстрактная функция) – наполнитель, а именно синтагма, реализующая данную функцию [Gutiérrez, 1983; Espinosa, 1999].

Однако на этом С. Гутьеррес не останавливается и задается вопросом о механизме, который в рамках синтаксиса позволит более детально верифицировать характер отношений (функцию) между элементами, поскольку, оставаясь исключительно

на формальном уровне, а именно не понимая смысла высказывания, определить это доказательным образом не представляется возможным. Данный вопрос С. Гутьеррес назвал проблемой семиотической природы синтаксических функций, исходя из рассуждения о том, что синтагматические отношения в языке состоят из элементов и отношений между ними, а для верной интерпретации обоих необходим определенный аппарат «расшифровки», который испанский лингвист, представляя предложение в виде семиотической схемы, состоящей из знаков или же элементов знака, находит в семантике [Gutiérrez, 1983].

Затем С. Гутьеррес интегрировал в свою концепцию падежную грамматику, которая как раз и появилась как грамматический метод описания тагмемики. Таким образом, отмечая инкорпорацию данного лингвистического метода у различных авторов даже за пределами упомянутой тагмемики, например, в рамках Пражского лингвистического кружка или же функциональной грамматики С. Дика, испанский ученый вводит в свою систему новый вид функций – семантические, заимствуя роли из падежной грамматики: *agente* (агента), *receptor* (адресата), *paciente* (пациента), *experimentador* (экспериментатор) и т. д. Данные семантические функции и станут механизмом более детальной верификации характера отношений между элементами [там же].

Чуть позднее в работах «Introducción a la Sintaxis Funcional» (1988) и «Las funciones sintácticas» (1991) с целью внедрения механизма определения известной и новой информации С. Гутьеррес добавил еще один уровень функций – прагматических (информативных): *aporte / soporte* и *foco*, или же тема и рема [Espinosa, 1999].

Исходя из вышесказанного, представляется уместным заключить, что С. Гутьеррес Ордоньес, кардинально не отходя от теоретических основ, заложенных Э. Аларкосом Льораком, в том числе в области понятия функции, которое, как было отмечено выше, фундаментально не претерпело трансформаций, а скорее, адаптируя понятийный базис предшественника для дальнейшего синтеза с иными актуальными на то время концепциями в рамках разработки собственной, смог продвинуться на качественно новый уровень, преодолев формально-структуралистский подход школы университета Овьедо путем выделения в рамках синтаксиса трех видов функций: формальных (собственно синтаксических), семантических и прагматических, тем самым сформировав систему синтаксического анализа, которую уже можно назвать не просто функциональной, а функционально-семантической и функционально-прагматической.

ШКОЛА УНИВЕРСИТЕТА САНТЬЯГО-ДЕ-КОМПОСТЕЛЫ

Гильермо Рохо, тоже ученик Аларкоса Льорака и лидер функционально-синтаксической школы университета Сантьяго-де-Компостелы, выражает, пожалуй, самое неординарное мнение по поводу понятия функции. Несмотря на то, что лингвист прошел школу университета Овьедо, он оказывается довольно далеко от подходов Э. Аларкоса Льорасы, выстраивая в рамках своего функционального синтаксиса сложную систему отношений, функций, страт и схем и интегрируя множество концепций от Л. Ельмслева, Э. Аларкоса Льорасы и Андре Мартина до С. Дика и М. А. К. Халлидея [Rojo, 1983].

Для Г. Рохо первоочередной важностью в рамках его концепции обладает отнюдь не функция, а синтаксические отношения. Они как раз, по мнению ученого, делятся на две разновидности: связи (*conexiones*) и функции. Синтаксические связи, по мнению лингвиста, являются разновидностью синтаксических отношений, установленных между компонентами одной синтаксической единицы. Г. Рохо также называет синтаксические связи подтипом синтагматических отношений, которые существуют между частями целого и являются линейными, а также классифицирует их на сочинительные и подчинительные, затем теоретически анализируя подтипы данных видов связей, пользуясь теоретическим аппаратом Л. Ельмслева и Э. Аларкоса Льорасы, в том числе применяя глоссематическое понятие функции в их отношении. Синтаксическую функцию же ученый определяет как синтагматические отношения, существующие между частью и целым, которые не являются линейными, а также заключает, что синтаксические функции выступают формальным проявлением конкретного значения или же семантической функции. Г. Рохо сразу же оговаривается, что синтаксические и семантические функции не всегда соответствуют друг другу, поскольку постоянно меняются в зависимости от синтаксического построения предложения, однако в то же время все синтаксические функции отсылают к определенной семантической функции или же к значению [там же].

Испанский лингвист также отмечает, что понятие функции в лингвистике изобилует различными дефинициями и крайне неоднородно. Он выводит три основных варианта понимания данного термина: 1) функция как предназначение (*finalidad*); 2) функция в глоссематическом смысле (как отношения зависимости между элементами, так называемыми функцивами); 3) функция в смысле функций языка. Сразу отбрасывая третий вариант как посторонний в рамках обсуждения синтаксической функции, представляется важным сначала перейти ко

второму, глоссематическому, Г. Рохо говорит о глоссематической функции как о слишком широком и логико-математическом понятии, более схожим, как ученый уже ранее отмечал, с тем, что он называет синтаксическими связями. Первый же вариант понятия функции в качестве предназначения испанский лингвист отмечает как наиболее близкий к тому, что он называет синтаксической и семантической функциями, однако сразу подчеркивает, что такое определение может быть корректно только в рамках структурализма, поскольку, по мнению Г. Рохо, термин «синтаксическая функция» нельзя ассоциировать с понятием предназначения, поскольку, когда какой-то сегмент предложения выполняет, например, функцию подлежащего, речь не идет о его предназначении, а о его отношении к целому, иными словами, к остальному предложению. Такой же подход, как утверждает испанский лингвист, применим и к функции семантической [там же].

Крайне интересной идеей Рохо является его предложение использования синтаксических и семантических схем. Лингвист утверждает, что вместо того, чтобы проводить параллели между семантическими функциями и функциями синтаксическими, что весьма малоэффективно, поскольку, как уже было отмечено, синтаксическая функция ввиду языковой вариабельности не имеет прямого соответствия по отношению к функции семантической, необходимо сравнивать целые схемы по типу: *agente – acción – término / sujeto – predicado – complemento directo*. Подобный подход, по мнению Рохо, намного более действенен с точки зрения обретения представления о регулярных синтаксических конструкциях языка [там же].

Также важно отметить, что в рамках своей концепции функционального синтаксиса кроме синтаксических функций Г. Рохо отдельно выделяет семантические и информативные (прагматические) функции, синтезируя идеи Ч. Филлмора (падежная грамматика), Пражского лингвистического кружка и С. Дика (функциональная грамматика), а также М. А. К. Халлидея (системная грамматика) [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ теоретических трудов основателей трех основных испанских школ функционального синтаксиса позволяет сделать некоторые выводы.

1. Базовое определение функции, установленное основоположником данной отрасли лингвистики в Испании Э. Аларкосом Льораком, представляется весьма гомогенным, так как все три школы в той или иной мере исходят из глоссематической дефиниции функции как отношения зависимости элементов.

2. Функционально-синтаксические концепции всех трех объединений вместе с самим понятием функции претерпели значительную эволюцию подходов и определений путем синтеза с актуальными идеями современников:

- Э. Аларкос Льорак, представлявший школу университета Овьедо, в основном комбинировал идеи Л. Ельмслева и А. Мартине, выборочно адаптируя к практическому материалу испанского языка и своим целям, и тем самым сформировал необходимый теоретико-категориальный аппарат для последующих изысканий в области функционального синтаксиса;
- С. Гутьеррес, возглавивший школу университета Леона, которая изначально была очень близка к идеям Э. Аларкоса Льорака, произвел, в свою очередь, интеграцию идей Э. Аларкоса Льорака с тагмемикой К. Л. Пайка, падежной грамматикой Ч. Филлмора и прагматикой Пражского лингвистического кружка, выведя формально-структуралистский синтаксис школы Овьедо на уровень функционально-семантического и функционально-прагматического подходов в синтаксисе;
- Г. Рохо, основатель школы университета Сантьяго-де-Компостелы, наоборот, с самого начала вывел на первый план синтаксические отношения, а не функцию, однако несмотря на такой неординарный подход, синтаксическая функция осталась в центре его концепции, а базисная глоссематическая дефиниция, как и ее производная тоже нашли применение в рамках его идей. Кроме того, ученый смог синтезировать значительное количество разнообразных подходов в отношении всех трех видов функций, что позволило ему не только развить собственные системы функционально-семантического и функционально-прагматического подхода в синтаксисе, но и предложить продуктивный способ изучения регулярных синтаксических конструкций в языке.

3. Все три объединения проводили трансформации взглядов в соответствии с актуальными тенденциями в западной лингвистике, перенимая и адаптируя ее подходы, что свидетельствует о том, что испанский функциональный синтаксис является полностью интегрированной и релевантной отраслью лингвистики.

Результаты проведенного исследования представляются важными для последующего отбора, организации и презентации языкового материала в рамках теории функционального синтаксиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010.
2. Alvar L. M. et al. Introducción a la lingüística española. Barcelona: Editorial Ariel, 2000.
3. Enciclopedia de lingüística hispánica: en 2 vol. / Ed. por J. Gutiérrez-Rexach. London: Routledge, 2016. Vol. 1.
4. Alarcos L. E. Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española. Madrid: Gredos, 1990.
5. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006.
6. Alarcos L. E. Lingüística estructural y funcional // Comunicación y lenguaje. 1977a. P. 49–61.
7. Alarcos L. E. Metodología estructural y funcional en Lingüística // Revista Española de Lingüística. 1977b. Vol. 7. Núm. 2. PP. 1–16.
8. Alarcos L. E. Gramática de la lengua española. Madrid: Espasa Calpe, 1999. 1a ed.
9. Gutiérrez O. S. La determinación inmanente de las funciones en sintaxis // Contextos. 1983. Vol. 1 Núm. 2. P. 41–56.
10. Espinosa G. J. Reseña de Gutiérrez Ordóñez, S. (1997), Principios de sintaxis funcional, Madrid, Arco/Libros // Pragmalingüística. 1999. Núm. 7. P. 255–263.
11. Rojo G. Aspectos básicos de sintaxis funcional. Madrid: Librería Agora, 1983.

REFERENCES

1. Mustajoki, A. (2010). Teoriya funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam = Functional Syntax Theory: from Semantic Structures to Linguistic Means. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
2. Alvar, L. M. et al. (2000). Introducción a la lingüística española. Barcelona: Editorial Ariel.
3. Gutiérrez-Rexach, J. (Ed.). (2016). Enciclopedia de lingüística hispánica (vol. 1): en 2 vol. London: Routledge.
4. Alarcos, L. E. (1990). Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española. Madrid: Gredos.
5. Hjelmlev, L. (2006). Prolegomeny k teorii yazyka = Prolegomena to a Theory of Language. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
6. Alarcos, L. E. (1977a). Lingüística estructural y funcional. Comunicación y lenguaje (pp. 49–61).
7. Alarcos, L. E. (1977b). Metodología estructural y funcional en Lingüística. Revista Española de Lingüística, 7(2), 1–16.
8. Alarcos, L. E. (1999). Gramática de la lengua española. 1a ed. Madrid: Espasa Calpe.
9. Gutiérrez, O. S. (1983). La determinación inmanente de las funciones en sintaxis. Contextos, 1(2), 41–56.
10. Espinosa, G. J. (1999). Reseña de Gutiérrez Ordóñez, S. (1997), Principios de sintaxis funcional, Madrid, Arco/Libros. Pragmalingüística, 7, 255–263.
11. Rojo, G. (1983). Aspectos básicos de sintaxis funcional. Málaga: Librería Agora.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубов Максим Дмитриевич

преподаватель кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Альварес Солер Анна Александровна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой испанского языка и перевода
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubov Maksim Dmitrievich

PhD Student and Lecturer at the Department of Spanish Language
Faculty of Translation and Interpretation, Moscow State Linguistic University

Alvares Soler Anna Alexandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Russian Language
Faculty of Translation and Interpretation, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2025	accepted for publication